

Джакомо Джойс. Джеймс Джойс

Кто? Бледное лицо в ореоле пахучих мехов. Движения ее застенчивы и нервны. Она смотрит в лорнет.

Да: вздох. Смех. Взлет ресниц.

Паутинный почерк, удлиненные и изящные буквы, надменные и покорные: знатная молодая особа.

Я вздымаюсь на легкой волне ученой речи: Сведенборг[1], псевдо-Ареопагит[2], Мигель де Молинос[3], Иоахим Аббас[4]. Волна откатилась. Ее классная подруга, извиваясь змеиным телом, мурлычет на бескостном венско-итальянском. *She coltura!*[5] Длинные ресницы взлетают: жгучее острие иглы в бархате глаз жалит и дрожит.

Высокие каблучки пусто постукивают по гулким каменным ступенькам. Холод в замке, вздернутые кольчуги, грубые железные фонари над извивами витых башенных лестниц. Быстро постукивающие каблучки, звонкий и пустой звук. Там, внизу, кто-то хочет поговорить с вашей милостью.

Она никогда не сморкается. Форма речи: малым сказать многое.

Выточенная и вызревшая: выточенная резцом внутрисемейных браков, вызревшая в оранжерейной уединенности своего народа.

Молочное марево над рисовым полем вблизи Верчелли[6]. Опущенные крылья шляпы затевают лживую улыбку. Тени бегут по лживой улыбке, по лицу, опаленному горячим молочным светом, сизые, цвета сыворотки тени под скулами, желточно-желтые тени на влажном лбу, прогоркло-желчная усмешка в сощуренных глазах.

Цветок, что она подарила моей дочери. Хрупкий подарок, хрупкая дарительница, хрупкий прозрачный ребенок[7].

Падуя далеко за морем. Покой середины пути[8], ночь, мрак истории[9] дремлет под луной на Piazza delle Erbe[10]. Город спит. В подворотнях темных улиц у реки – глаза распутниц вылавливают прелюбодеев. *Cinque servizi per cinque franchi*[11]. Темная волна чувства, еще и еще и еще.

Глаза мои во тьме не видят, глаза не видят,

Глаза во тьме не видят ничего, любовь моя.

Еще. Не надо больше. Темная любовь, темное томление. Не надо больше. Тьма.

Темнеет. Она идет через piazza. Серый вечер спускается на безбрежные шалфейно-зеленые пастбища, молча разливая сумерки и росу. Она следует за матерью угловато-грациозная, кобылица ведет кобылочку. Из серых сумерек медленно выплывают тонкие и изящные бедра, нежная гибкая худенькая шея, изящная и точеная головка. Вечер, покой, тайна..... Эгей! Конюх! Эге-гей![12]

Папаша и девочки несутся по склону верхом на санках: султан и его гарем. Низко надвинутые шапки и наглухо застегнутые куртки, пригревшийся на ноге язычок ботинка туго перетянут накрест шнурком, коротенькая юбка натянута на круглые чашечки колен. Белоснежная вспышка: пушинка, снежинка:

Когда она вновь выйдет на прогулку,
Смогу ли там ее я лицезреть![13]

Выбегаю из табачной лавки и зову ее. Она останавливается и слушает мои сбивчивые слова об уроках, часах, уроках, часах: и постепенно румянец заливает ее бледные щеки. Нет, нет, не бойтесь!

Mio padre:[14] в самых простых поступках она необычна. Unde derivatur? Mia figlia ha una grandissima ammirazione per il suo maestro inglese[15]. Лицо пожилого мужчины, красивое, румяное, с длинными белыми бакенбардами, еврейское лицо поворачивается ко мне, когда мы вместе спускаемся по горному склону. О! Прекрасно сказано: обходительность, доброта, любознательность, прямота, подозрительность, естественность, старческая немощь, высокомерие, откровенность, воспитанность, простодушие, осторожность, страстность, сострадание: прекрасная смесь. Игнатий Лойола, ну, где же ты![16]

дце томится и тоскует. Крестный путь любви?

Тонкие томные тайные уста: темнокровные моллюски.

Из ночи и ненастья я смотрю туда, на холм, окутанный туманами. Туман повис на унылых деревьях. Свет в спальне. Она собирается в театр. Призраки в зеркале..... Свечи! Свечи!

Моя милая. В полночь, после концерта, поднимаясь по улице Сан-Микеле[17], ласково нашептываю эти слова. Перестань, Джеймси![18] Не ты ли, бродя по ночным дублинским улицам, страстно шептал другое имя?[19]

Трупы евреев лежат вокруг, гниют в земле своего священного поля.....[20] Здесь могила ее сородичей, черная плита, безнадежное безмолвие. Меня привел сюда прыщавый Мейсел. Он там за деревьями стоит с покрытой головой у могилы жены, покончившей с собой, и все удивляется, как женщина, которая спала в его постели, могла прийти к такому концу.....[21] Могила ее сородичей и ее могила: черная плита, безнадежное безмолвие: один шаг. Не умирай!

Она поднимает руки, пытаясь застегнуть сзади черное кисейное платье. Она не может: нет, не может. Она молча пятится ко мне. Я поднимаю руки, чтобы помочь: ее руки падают. Я держу нежные, как паутинка, края платья и, застегивая его, вижу сквозь прорезь черной кисеи гибкое тело в оранжевой рубашке. Бретельки скользят по плечам, рубашка медленно падает: гибкое гладкое голое тело мерцает серебристой чешуей. Рубашка скользит по изящным из гладкого, отшлифованного серебра ягодицам и по бороздке – тускло-серебряная тень..... Пальцы холодные легкие ласковые..... Прикосновение, прикосновение.

Безумное беспомощное слабое дыхание. А ты нагнись и внемли: голос. Воробей под колесницей Джаггернаута[22] взывает к владыке мира. Прошу тебя, господин Бог, добрый господин Бог! Прощай, большой мир!.....

Aber das ist eine Schweinerei[23].

Огромные банты на изящных бальных туфельках: шпоры изнеженной птицы.

Дама идет быстро, быстро, быстро..... Чистый воздух на горной дороге. Хмуро просыпается Триест: хмурый солнечный свет на беспорядочно теснящихся крышах, крытых коричневой черепицей черепахоподобных; толпы пустых болтунов в ожидании национального освобождения[24]. Красавчик встает с постели жены любовника своей жены; темно-синие свирепые глаза хозяйки сверкают, она суетится, снует по дому, сжав в руке стакан уксусной кислоты..... Чистый воздух и тишина на горной дороге, топот копыт. Юная всадница. Гедда! Гедда Габлер![25]

Торговцы раскладывают на своих алтарях юные плоды: зеленовато-желтые лимоны, рубиновые вишни, поруганные персики с оборванными листьями. Карета проезжает сквозь ряды, спицы колес ослепительно сверкают. Дорогу! В карете ее отец со своим сыном. У них глаза совиные и мудрость совиная. Совиная мудрость в глазах, они толкуют свое учение *Summa contra gentiles*[26].

Она считает, что итальянские джентльмены поделом выдворили Этторе Альбини, критика «Secolo»[27], из партера за то, что тот не встал, когда оркестр заиграл Королевский гимн. Об этом говорили за ужином. Еще бы! Свою страну любишь, когда знаешь, какая это страна!

Она внемлет: дева весьма благоразумная.

Юбка, приподнятая быстрым движением колена; белое кружево – кайма нижней юбки, приподнятой выше дозволенного; тончайшая паутина чулка. *Si poi?*[28]

Тихо наигрываю[29], напевая томную песенку Джона Дауленда[30]. Горечь разлуки:[31] мне тоже горько расставаться. Тот век предо мной. Глаза распахиваются из тьмы желания, затмевают зарю, их мерцающий блеск – блеск нечистот в сточной канаве перед дворцом слюнтя Джеймса[32]. Вина янтарные, замирают напевы нежных мелодий, гордая павана, уступчивые знатные дамы в лоджиях[33], манящие уста, загнившие сифилисные девки, юные жены в объятиях своих соблазнитель, тела, тела.

В пелене сырого весеннего утра над утренним Парижем плывет слабый запах: анис, влажные опилки, горячий хлебный мякиш: и когда я перехожу мост Сен-Мишель, синевато-стальная вешняя вода леденит сердце мое. Она плещется и ласкается к острову, на котором живут люди со времен каменного века..... Ржавый мрак в огромном храме с мерзкой лепниной. Холодно, как в то утро: *quia frigus erat*[34]. Там, на ступенях главного придела, обнаженные, словно тело Господне, простерты в

тихой молитве священнослужителя. Невидимый голос парит, читая нараспев из Осии. *Haec dicit Dominus: in tribulatione sua mane consurgent ad me. Venite et revertumur ad Dominum....*[35] Она стоит рядом со мной, бледная и озябшая, окутанная тенями темного как грех нефа, тонкий локоть ее возле моей руки. Ее тело еще помнит трепет того сырого, затянутого туманом утра, торопливые факелы, жестокие глаза[36]. Ее душа полна печали, она дрожит и вот-вот заплачет. Не плачь по мне, о дочь Иерусалимская!

Я растолковываю Шекспира понятливому Триесту: Гамлет, вещаю я, который изысканно вежлив со знатными и простолюдинами, груб только с Полонием. Разуверившийся идеалист, он, возможно, видит в родителях своей возлюбленной лишь жалкую попытку природы воспроизвести ее образ..... Неужели не замечали?[37]

Она идет впереди меня по коридору, и медленно рассыпается темный узел волос. Медленный водопад волос. Она чиста и идет впереди, простая и гордая. Так шла она у Данте, простая и гордая, и так, не запятнанная кровью и насилием, дочь Ченчи, Беатриче[38], шла к своей смерти:

.....Мне
Пояс затяни и завяжи мне волосы
В простой, обычный узел[39].

Горничная говорит, что ее пришлось немедленно отвести в больницу, *roveretta*[40], что она очень, очень страдала, *roveretta*, это очень серьезно..... Я ухожу из ее опустевшего дома. Слезы подступают к горлу. Нет! Этого не может быть, так сразу, ни слова, ни взгляда. Нет, нет! Мое дурацкое счастье не подведет меня!

Оперировали. Нож хирурга проник в ее внутренности и отдернулся, оставив свежую рваную рану в ее животе. Я вижу глубокие темные страдальческие глаза, красивые, как глаза антилопы. Страшная рана? Похотливый Бог!

И снова в своем кресле у окна, счастливые слова на устах, счастливый смех. Птичка щебечет после бури, счастлива, глупенькая, что упорхнула из когтей припадочного владыки и жизнедавца, щебечет счастливо, щебечет и счастливо чирикает.

Она говорит, что будь «Портрет художника» откровенен лишь ради откровенности[41], она спросила бы, почему я дал ей прочесть его. Конечно, вы спросили бы! Дама ученая.

Вся в черном – у телефона. Робкий смех, слезы, робкие гаснущие слова... *Pallegò colla mamma...*[42] Цып, цып! Цып, цып! Черная курочка-молодка испугалась: семенит, останавливается, всхлипывает: где мама, дородная курица.

Галерка в опере. Стены в подтеках сочатся испарениями. Бесформенная груда тел сливается в симфонию запахов: кислая вонь подмышек, высосанные апельсины, затхлые притирания, едкая моча, серное дыхание чесночных ужинов, газы, пряные духи, наглый пот созревших для замужества и замужних женщин, вонь мужчин..... Весь вечер я смотрел на нее, всю ночь я буду видеть ее: высокая прическа, и

оливковое овальное лицо, и бесстрастные бархатные глаза. Зеленая лента в волосах и вышитое зеленой нитью платье: цвет надежды плодородия пышной травы, этих могильных волос.

Мои мольбы: холодные гладкие камни, погружающиеся в омут.

Эти бледные бесстрастные пальцы касались страниц, отвратительных и прекрасных[43], на которых позор мой будет гореть вечно. Бледные бесстрастные непорочные пальцы. Неужто они никогда не грешили?

Тело ее не пахнет: цветок без запаха[44].

Лестница. Холодная хрупкая рука: робость, молчание: темные, полные истомы глаза: тоска.

Кольца серого пара над пустошью. Лицо ее, такое мертвое и мрачное! Влажные спутанные волосы. Ее губы нежно прижимаются, я чувствую, как она вздыхает. Поцеловала.

Голос мой тонет в эхе слов, так тонул в отдающихся эхом холмах полный мудрости и тоски голос Предвечного, звавшего Авраама[45]. Она откидывается на подушки: одалиска в роскошном полумраке. Я растворяюсь в ней: и душа моя струит, и льет, и извергает жидкое и обильное семя во влажный теплый податливо призывный покой ее женственности..... Теперь бери ее, кто хочет!.....[46]

Выйдя из дома Ралли[47], я увидел ее, она подавала милостыню слепому. Я здороваюсь, мое приветствие застает ее врасплох, она отворачивается и прячет черные глаза василиска. *E col suo vedere attosca l'uomo quando lo vede*[48]. Благодарю, мессер Брунетто, хорошо сказано.

Постилают мне под ноги ковры для Сына Человеческого[49]. Ожидают, когда я войду. Она стоит в золотистом сумраке зала, холодно, на покатые плечи накинута плед; я останавливаюсь, ищу взглядом, она холодно кивает мне, проходит вверх по лестнице, искоса метнув в меня ядовитый взгляд.

Гостиная, дешевая, мятая гороховая занавеска. Узкая парижская комната. Только что здесь лежала парикмахерша. Я поцеловал ее чулок и край темно-ржавой пыльной юбки. Это другое. Она. Гогарти пришел вчера познакомиться. На самом деле из-за «Улисса». Символ совести... Значит, Ирландия?[50] А муж? Расхаживает по коридору

в мягких туфлях или играет в шахматы с самим собой[51]. Зачем нас здесь оставили? Парикмахерша только что лежала тут, зажимая мою голову между бугристыми коленями..... Символ моего народа. Слушайте! Рухнул вечный мрак. Слушайте![52]

– Я не убежден, что подобная деятельность духа или тела может быть названа нездоровой –

Она говорит. Слабый голос из-за холодных звезд. Голос мудрости. Говори! О, говори, надели меня мудростью! Я никогда не слышал этого голоса.

Извиваясь змеей, она приближается ко мне в мятой гостинной. Я не могу ни двигаться, ни говорить. Мне не скрыться от этой звездной плоти. Мудрость прелюбодеяния. Нет. Я уйду. Уйду.

– Джим, милый! –

Нежные жадные губы целуют мою левую подмышку: поцелуй проникает в мою горящую кровь. Горю! Съеживаюсь, как горящий лист! Жало пламени вырывается из-под моей правой подмышки. Звездная змея поцеловала меня: холодная змея в ночи. Я погиб!

– Нора![53] –

Ян Питерс Свелинк[54]. От странного имени старого голландского музыканта становится странной и далекой всякая красота. Я слышу его вариации для клавиатур на старый мотив: Молодость проходит. В смутном тумане старых звуков появляется точка света: вот-вот заговорит душа. Молодость проходит. Конец настал. Этого никогда не будет. И ты это знаешь. И что? Пиши об этом, черт тебя подери, пиши! На что же еще ты годен?

«Почему?»

«Потому что в противном случае я не смогла бы вас видеть». Скольжение – пространство – века – лиственный водопад звезд и убывающие небеса – безмолвие – безнадежное безмолвие – безмолвие исчезновения – в ее голос.

Non hunc sed Barabbam![55]

Запустение. Голые стены. Стылый дневной свет. Длинный черный рояль: мертвая музыка. Дамская шляпка, алый цветок на полях и зонтик, сложенный. Ее герб: шлем, червлень и тупое копьё на щите, вороном[56].

Посылка: любишь меня, люби мой зонтик.

Примечания

1

Эмануэль Сведенборг (1688–1772) – шведский ученый-натуралист, мистик, теософ.

2

Псевдо-Ареопагит – имеется в виду первый афинский епископ Дионисий Ареопагит. Ему приписывалось отвергнутое еще в период Возрождения авторство ряда теологических сочинений (I в. н.э.).

3

Мигель де Молинос (1628–1696) – испанский мистик и аскет, основоположник квиетизма, религиозно-этического учения, проповедующего мистически созерцательное отношение к миру, пассивность, полное подчинение божественной воле.

4

Иоахим Аббас (1145–1202) – итальянский теолог.

5

Какая культура! (итал.)

6

Верчелли – город на северо-западе Италии.

7

Парафраза стихотворения Джойса «Цветок, подаренный моей дочери», написанного в Триесте в 1913 г. Имеется в виду дочь Джойса, Лючия.

8

У Джойса – игра слов: middle age – и возраст творческой зрелости, и ассоциация с the Middle Ages – средние века.

9

В «Улиссе» этот образ получит дальнейшее развитие. История станет «кошмаром», от которого один из героев романа, Стивен Дедалус, будет пытаться пробудиться.

10

Пьяцца дель Эрбе – рыночная площадь в Падуе.

11

Пять услуг за пять франков (итал.).

12

«Эгей! Эге-гей!» – возгласы Марчелло и Гамлета, когда они ищут друг друга в сцене с Призраком.

13

Слегка измененные строчки из стихотворения английского поэта-сентименталиста Уильяма Каупера (1731–1800) «Джон Гилпин».

14

Отец мой (итал).

15

Откуда бы это? (лат.). Дочь моя восторгается своим учителем английского языка (итал.).

16

В «Улиссе» Стивен Дедалус также обращается за помощью к Лойоле в девятом эпизоде, «Сцилла и Харибда», когда выстраивает свою хитроумную схоластическую теорию творчества и жизни Шекспира.

17

На улице Сан-Микеле в Триесте жила Амалия Поппер.

18

Прямое указание, что происходящее относится к самому Джойсу.

19

Имеется в виду жена Джойса, Нора Барнакль.

20

Имеется в виду еврейское кладбище (Cimitero israelitico) в Триесте.

21

Жена некоего Филиппо Мейсела, Ада Хирш Мейсел, покончила жизнь самоубийством 20 октября 1911 г.

22

Джаггернаут, или, правильнее, Джаганнахта («владыка мира»), в индуистской мифологии особая форма Вишну-Кришны. Из двадцати четырех праздников в честь Джаггернаута особенно большое число богомольцев привлекает Ратхаятра – шествие колесницы. Многие в экстазе бросаются под колесницу и погибают.

23

Ведь это же свинство! (нем.)

24

Джойс всегда очень резко отзывался о позерстве и фальшивой фразе, особенно в политике.

25

Гедда Габлер – героиня одноименной драмы Г. Ибсена (1828– 1906). Для Джойса – символ молодости, порыва.

26

«Сумма против язычников» (лат.). Известный труд средневекового философа и теолога Фомы Аквинского (1225?–1274). Так Джойс здесь называет талмуд, иронически намекая на «неистинное» (языческое) вероисповедание евреев.

27

Этторе Альбини (1869–1954) – музыкальный критик римской социалистической газеты «Аванти!». Джойс его ошибочно называет критиком туринской газеты «Секоло»: «Secolo» –век (итал.). Регулярно выступал со статьями, осуждающими монархию, национализм, а в 40-е годы – фашизм. Джойс описывает случай, происшедший 17 декабря 1911 г. на концерте в «Ла Скала», который давался в пользу итальянского Красного Креста и семей солдат, убитых или раненых в Ливии. Когда заиграли гимн, Альбини демонстративно остался сидеть, тем самым выразив свой протест против колониальных войн, которые в это время вела Италия.

28

Правильнее: *Si puo?* – Позвольте? (итал.) – первые слова пролога к опере Э. Леонкавалло (1857–1919) «Паяцы» (1892). Это слово произносит паяц Тонио. Для Джойса такая аллюзия – способ иронического снижения собственного образа – образа влюбленного Джойса.

29

Известно увлечение самого Джойса музыкой, у него был превосходный тенор. В Ирландии, даже когда он стал известным писателем, его продолжали считать певцом. Свой поэтический цикл «Камерная музыка» он попросил положить на музыку и очень любил сам исполнять эти песни, напоминавшие небольшие арии елизаветинской эпохи.

30

Джон Дауленд (1563?–1626) – английский лютнист и композитор.

31

Так назывались в эпоху Возрождения прощальные песни.

32

Имеется в виду король Джеймс (или Яков) Стюарт (1566, прав. 1603–1625). Его правление связывают с угасанием духа Возрождения. Джойс называет его «слюнтяем», намекая на его крайне нерешительную и противоречивую внешнюю и внутреннюю политику.

33

Имеются в виду лоджии Ковент-Гардена, площади в Лондоне, построенные в 1630 г. архитектором Иниго Джонсом.

34

Потому что было холодно (лат.). Цитата из Евангелия от Иоанна (18, 18): «Между тем рабы и служители, разведя огонь, потому что было холодно, стояли и грелись».

35

Так говорит Господь: «В скорби своей они с раннего утра будут искать Меня и говорить: „пойдем и возвратимся к Господу!..“ (лат.). (Книга пророка Осии, 6,1). Здесь описывается месса в Страстную Пятницу.

36

Ассоциативно Джойс описывает сцену предательства Иисуса: «И тотчас, как он еще говорил, приходит Иуда, один из двенадцати, и с ним множество народа с мечами и кольями...» (Еванг. от Марка, 14, 43).

37

Лекции о Шекспире Джойс читал в Триесте с 4 ноября 1912 г. по 10 февраля 1913 г. Лекции носили «психоаналитический» характер. Правда, сам Джойс всегда отмечал, что Фрейд не оказал на него никакого влияния, а его собственные психоаналитические штудии не больше чем «игра ума».

38

Имеются в виду Беатриче – героиня Данте и другая Беатриче, героиня пьесы Шелли (1792–1822) «Ченчи» (1819). Мстя за совершенное над ней насилие, Беатриче убила своего отца, тирана Ченчи. Власти приговорили ее к смерти.

39

Реплика Беатриче в пьесе Шелли «Ченчи».

40

Бедняжка (гол.).

41

Видимо, ученица Джойса читала третью главу «Портрета», которая была перепечатана на машинке в июне 1914 г.

42

Поговори с мамой (итал.).

43

По-видимому, парафраза реплики ведьм в первой сцене «Макбета» Шекспира: «Прекрасное – отвратительно, и отвратительное – прекрасно».

44

Видимо, образ навеян строчкой из 130-го сонета Шекспира: «А тело пахнет так, как пахнет тело» (пер. С. Я. Маршака).

45

Имеются в виду мистические беседы Авраама с Богом (Книга Бытия, гл. XII–XXV).

46

Этот отрывок в несколько измененном виде встречается в «Портрете» и в пьесе «Изгнанники».

47

Барон Амброджо Ралли (1878–1938) – знатный горожанин Триеста, владелец дворца на пьядца Скорола.

48

Одно ее лицемерие отравляет смотрящего на нее (итал.) – фраза из произведения итальянского писателя Брунетто Латини (ок. 1220 – ок. 1294) «Книга сокровищ» (изд. 1863), которая считается трехтомной энциклопедией средневековых знаний. В ней Латини пишет о том, сколь опасен взгляд василиска.

49

Ироническая парафраза описания въезда Иисуса в Иерусалим: «Многие же постлали одежды свои по дороге, а другие резали ветви с деревьев и постлали по дороге. И предшествовавшие и сопровождавшие восклицали: осанна! благословен грядущий во имя Господне!» (Еванг. от Марка, 11, 8–9).

50

Оливер Джон Гогарти (1878–1957) – ирландский поэт, известный дублинский врач, друг Джойса, послуживший прототипом Бака Маллигана в «Улиссе».

51

Имеется в виду и муж Амалии Поппер, и один из героев «Улисса» – Леопольд Блум, прототипом образа которого послужил, однако, не муж Амалии, которого Джойс не знал, но ее отец, торговец из Триеста, Леопольд Поппер.

52

Из-за смелости и резкости критики Джойса, его откровенности в изображении интимной жизни человека, дерзости формального эксперимента первые эпизоды «Улисса» сразу же вызвали ожесточенные споры. В отрывке полифонически звучат суждения современников об «Улиссе». За репликами узнаются авторы – У. Б. Йейтс, Дж. Б. Шоу, Т. С. Элиот, считавшие роман честной и гениальной книгой; Р. Олдингтон и Г. Уэллс, не принявшие этого произведения.

53

Имя жены Джойса и героини драмы Г. Ибсена «Кукольный дом».

54

Ян Питерс Свелинк (1562–1621) – нидерландский композитор и органист.

55

Не Его, но Варавву (лат.). Слова евреев, требующих от Пилата освобождения от распятия не Иисуса Христа, но разбойника Вараввы: «Тогда опять закричали все, говоря: не Его, но Варавву. Варавва же был разбойник». (Еванг. от Иоанна, 18, 40).

56 Здесь Джойс описывает герб Шекспира, так как все упомянутые геральдические элементы: шлем, червлень (алый цвет), копье на черном щите – присутствуют в фамильном гербе драматурга.